

ше людей. Как любящие родители хотят, чтобы был не один ребенок, а двое, трое, сколько возможно по обстоятельствам, так и Бог хочет, как самый любящий Отец, чтобы нас было больше, потому что каждый человек — это бесконечная ценность, в каждом человеке живет необъятный по глубине внутренний духовный мир. И Господь именно умножает нас — такое дано человеку поразительное отличие от всех остальных творений Божиих.

Родословие в Евангелии от Матфея нам показывает целый ряд поколений: 14 — от Авраама до Давида, 14 — от Давида до переселения Вавилонского, 14 — от переселения Вавилонского до Христа. 14 — это два раза по семь, т.е. священные числа. Причем интересно, что упоминаются не только иудеи; хотя по мужской линии ведется наследование, упоминаются и женщины, довольно странные даже с современной точки зрения. Салмон родил от такой женщины, от Рахавы, Вооза. А ведь Рахава была блудница в том самом Иерехоне — городе, который Израиль первым взял, когда пришел, уже с оружием в руках, завоевать землю, обещанную Господом. Казалось бы, странное упоминание. Упоминается о Фамари, невестке Иуды, — тоже история была запутанная. Упоминается о Руфи, моавитянке, которая не была из колена Израилева. Упоминается о Вирсавии, жене Урии Хеттеянина (она тоже, по-видимому, была хеттеянка), которую Давид у него отнял, совершив безнравственный, жестокий поступок, преступление. Все это — человеческая жизнь, и тем не менее вот эта линия обетований

от Авраама через Моисея и дальше продолжалась до Иосифа. Конечно, когда жил Иосиф (после упоминания о нем следует рассказ о рождении Иисуса), царский скипетр отошел от колена Давидова. Царем был Ирод, который, собственно, даже не был иудеем, он был из близкого племени, и его права на престол были весьма сомнительны, поэтому он так жестоко охранял свою власть, когда узнал, что родился какой-то другой Царь.

Но, так или иначе, Матфей нам повествует, что все это — цепь событий. Не было в ней какой-то случайности: как и жизнь Самого Господа, все это было предусмотрено определенным планом Божия спасения. Несмотря на отчаянное сопротивление людей — не только из этой среды, а и всего окружающего мира, этот план осуществился. Божия верность оказалась неизменной, спасение пришло. Пришло удивительным образом, когда Мария становится Матерью, еще не сойдясь с мужем как жена. Иосиф был этим, так сказать, шокирован, но как праведный человек решился не обличать Ее, как рассказывает нам евангелист Матфей, а тайно отпустить. Но как только он это помыслил, Ангел Господень во сне сказал ему: «Иосиф, сын Давидов, не бойся принять Марию, жену твою, потому что родившееся в Ней есть от Духа Святого. Родит же Сына, и наречешь Ему имя Еммануил, что значит: с нами Бог». То есть имя, которое дается Младенцу, другое — Иисус, а Еммануил означает саму суть события: с нами Бог. Да, здесь, теперь — с нами: пришел Творец мира в этом Младенчике, Который рождается от

Марии Девы. И Иосиф принял это, оставил Марию, и заканчивается первая глава Евангелия от Матфея словами «Она родила Сына... и он нарек Ему имя: Иисус». Иисус знает «Бог спасает». Подобно Иисусу Навину, который вел народ в Обетованную землю из египетского рабства, Иисус ведет нас из рабства греху в обетованное Царствие Божие. И то, что Иосиф дал Ему имя, означает, что он принял Его, и все права, все обетования, которые были даны от Авраама через Давида до него, переданы этому родившемуся Младенцу.

Вот такое событие сегодня, в Неделю праотец, нам напоминает Церковь. Напоминает все важные детали, напоминает, что спасение, которое пришло к каждому из нас, проходило через многие века: две тысячи лет до Рождества Христова, две тысячи лет после Рождества Христова; все это пришло страданиями, мученической смертью многих людей, которые отстаивали эту правду. Эта эстафета передана нам. И в начале нового года нам как раз обо всем этом напоминает с тем, чтобы мы несли эту эстафету достойно, ибо наша духовная родословная восходит к Аврааму. Как скажет позже апостол Павел, «и так все верующие — дети Авраама», и таким образом мы с вами имеем удивительное родство того обетования. В каждом из нас оно живет. Поэтому будем достойны его и будем молиться, чтобы в этом году нам еще немного, на ступенечку, приблизиться к нему, чтобы осознать это и быть достойными принять эстафету от всех этих поколений.

Аминь.

Проповедь на Литургии 2 января 2011 г.

Ольга Булычева

Изучая свою родословную

И застроятся потомками твоими пустыни вековые: ты восстановишь основания многих поколений, и будут называть тебя восстановителем развалин, возобновителем путей для населения.

Ис 58:12

То, что сделала революция и последующий безбожный режим, как мне кажется, это удар по семье, по близким отношениям. Это удар в самое сердце, в самую основу, на чем строится все общество. И вот в эту сердцевину, в эту «святая святых» общества сатана направил свою смертоносную стрелу. Многие семьи вынуждены были бежать из своих домов, разъехаться по разным странам и городам, потеряться на просторах

земного шара. Миллионам людей, включая детей, пришлось испытать ужас смерти, бегства, разлуки, предательства и т.д. Эта разорванность, разделение, потеря своих корней, родственных связей, страх и пережитый ужас тяжелым грузом легли на плечи последующих поколений. Была нарушена, разорвана на части целостность семейного уклада, и как следствие — смятение, разлад и надлом в людских душах.

Осмелюсь предположить, что душевным состоянием и базовыми чувствами большей части современных людей, к коим я причисляю себя, являются подавляющие чувства потерянности, неуверенности, низкой самооценки, стыда, самобичевания, гнева, а также склонности к депрессии. Во всяком случае, до недавнего времени я это остро ощущала и переживала. Не имея почвы под ногами, не зная себя, своих корней и семейных традиций, люди ищут свое пристанище и не могут найти. Отсюда — неспособность создать семью, разводы, всякого рода зависимости, депрессии и т.д.

Но у нас, людей верующих, есть Господь! Своей любовью Он согревает нас, покрывает Своим милосердием. Он дает нам все: мир, радость любовь. Способны ли мы в полноте принять это «все»? Мне очень хочется ответить «да», и я очень надеюсь, что ДА! Но здесь необходима работа, сотворчество вместе с Господом по «восстановлению развалин» своей семьи (включая предыдущие поколения) и своей души. И чем дальше я иду по этому пути восстановления, тем в большей полноте могу войти в радость Божией любви, тем больше обретаю утерянную целостность себя самой и своей семьи, понимание, кто я и каково мое предназначение.

К такому выводу я пришла, изучая свою родословную и работая с генограммой. Для меня важно было осознать, что происходило в семейном роду в историческом, психологическом, социальном и религиозном аспектах; установить связь прошлого и настоящего; понять, каковы родовые закономерности, какова моя задача, что я могу исправить или развивать, совершенствовать... Изучая свою генограмму, я обнаружила, что влияние прошлых трагических событий на мой род, мою жизнь и формирование моей личности, а также и на моих детей очевидно. Как ни горько это сознавать, но это так!

Попробую кратко изложить свою семейную историю.

Мой род Алфутых по линии отца принадлежит к зажиточным крестьянам Рязанской области. К началу XX века многие из Алфутых получили образование, кто-то из них жил в Рязани. Были в роду учителя, художники, двоюродный прадед был священником. Дед мой был казначеем в селе Ижевском. Также были и благотворители, жертвователи на храм и те, кто помогал бедным. Семья деда: жена (моя бабушка) и 8 (или 9) детей — жила в большом каменном доме в центре села, напротив храма Казанской иконы Божией Матери. Моя тетья еще помнила, как ходила в храм с бабушкой. У деда были два брата и много других родственников. Эта размеренная, в целом благополучная жизнь внезапно прервалась в одну морозную ночь в 1930 (или 1929) году, когда при раскулачивании вся семья оказалась на улице и вынуждена была укрыться в хлеву до рассвета, а потом бежать в Москву к родственникам. В один момент полностью лишились всего. От холода заболел кто-то из детей и потом умер. Я мало знаю подробностей этой истории. Мой отец никогда об этом не рассказывал. Когда это случилось, ему было 3—4 года, как раз то время, когда в ребенка закладывается основной фундамент дальнейшей жизни. А его сестре, моей тете, было 12—13 лет. Она мне об этом и поведала. Из всех детей после тех трагических событий в живых осталось трое: моя тетья, мой отец и его старший брат, который позже погиб на войне.

Итак, семья пережила трагедию. Наверняка все члены семьи испытали потрясение, страх и ужас в ту ночь и потом те же страх и ужас при лишениях и бегстве. У них

буквально была выбита почва из-под ног. Как на это реагировали мои дед и бабушка? Как объясняли случившееся детям? Обращались ли к Богу? Этого я не знаю. Как этот ужас мог повлиять на 3—4-летнего ребенка, моего отца, можно только догадываться по последующим событиям его жизни. Насколько глубоко верили в семье, я тоже не знаю, но тетья моя в детстве ходила в храм, отец был крещен. Он рос уже в городе, был оторван от своих корней, от того семейного уклада, который десятками лет (может быть, сотнями) складывался на Рязанщине. Он никогда не стремился поехать на родину и впитал новую жизнь: стал коммунистом, выучился на штурмана, потом работал инженером. Для него получилось так: старое прошло, все перечеркнуто, надо строить новую жизнь. Ведь сам факт того, что отец ничего своей дочери, мне, никогда не рассказывал о семье, говорит о многом. Либо для него это было неважным, ненужным, либо настолько тяжело, что лучше забыть. Здесь я не берусь судить. Но как можно построить что-то новое, не имея прочного фундамента? Не успев воспринять той, хоть, может быть, и слабой веры, благодаря которой убереглась и доживала свой век семья деда? Не переняв опыта семейного уклада, пережив во младенчестве трагедию семьи?

Отбросив все «старое», не имея почвы под ногами, но уверенный в светлом будущем, отец женился на маме, и родились сначала мой брат, потом я. Оторванность от корней и потеря какой бы то ни было веры сыграли роковую роль в жизни отца. Отец, хорошо зарабатывая, стал пить, начались скандалы в доме, мама хотела покончить с собой. Теперь уже его семья оказалась в трагическом положении. В такой атмосфере я росла: страшась скандалов, без рода и племени, сознавая, что с моими родителями и со мной что-то не так, испытывая вину, стыд за семью и себя, потерянную и неуверенность... И, конечно, назревала еще одна трагедия, теперь уже в моей семье, если бы не вмешался Всевышний. Но это уже следующая история.

Большим событием в моей жизни была поездка в родные места, на Рязанщину, в село Ижевское. Я, можно сказать, обрела почву под ногами и в прямом, и в переносном смысле, когда ходила по земле моих дедушек и бабушек, которых никогда не видела и о которых почти ничего не знала, смотрела на дома, деревья, людей с каким-то благоговейным удивлением, как будто впервые открыла глаза, и во мне рождались новые ощущения: чувства принятости, примиренности, сопричастности, воссоединения и обретения безвозвратно потерянного. Я прониклась уважением и почтением к моему роду, к родителям, и это было как бальзам на мое сердце. Я обрела другое состояние — наверное, это можно назвать исцелением или началом исцеления меня самой и моего рода. Мне кажется, я никогда не испытывала такой внутренней гармонии, полноты жизни и благодарности, как там, в Ижевском, гуляя по длинным улицам, молясь у развалин храма, на кладбище и у дома моего деда.

Сейчас для меня кажется важным больше молиться о своих ушедших родных, самой укрепляться в вере и по возможности восстановить отношения с оставшимися родственниками, воссоединить разорванные ниточки, быть очень бережной в этих отношениях. От этого, мне кажется, в какой-то степени зависит и судьба последующих поколений. Что я еще могу сделать, чтобы противостоять тем последствиям зла прошлого века, которое было обрушено на нашу страну и на мою семью в частности?

ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

6 ФЕВРАЛЯ — память святой блаженной Ксении Петербургской

Св. блаженная Ксения родилась в 20–30-х г. XVIII в. от благочестивых и благородных родителей; отца ее звали Григорием, имя матери неизвестно. Достигнув совершеннолетия, Ксения Григорьевна вышла замуж за придворного певчего, полковника Андрея Федоровича Петрова. Жили супруги в Санкт-Петербурге безбедно, в собственном доме в приходе св. Матфея. Но недолго длилось их семейное счастье: Андрей Федорович скоропостижно скончался, и Ксения в двадцать шесть лет осталась вдовой.

Глубоко потрясенная тем, что ее муж умер без должного христианского приготовления и не успев принести покаяние, Ксения решила, что должна вымолить у Бога прощение прегрешений раба Божьего Андрея. Она приняла на себя подвиг юродства, а ее родным и окружающим людям казалось, что от горя молодая вдова лишилась рассудка. Родные подали прошение, с тем чтобы лишить ее права распоряжаться наследством. Однако, поговорив с Ксенией, начальник ее покойного мужа убедился, что она психически здорова, а потому имеет право распоряжаться своим имуществом, как ей угодно. Ксения все раздала бедным, дом подарила знакомой, а сама стала странствовать.

Освободившись от земных попечений и надев мужнин камзол, Ксения стала всех уверять, что она и есть Андрей Федорович, а супруга его умерла.

Александр Зорин

ОБЩАЯ ТРАПЕЗА

Часа за полтора до кормления к храму подтягивается экзотическая публика. Одета явно не от Версаче, она все же по-своему живописна: лоснящиеся куртки, шапки до бровей, разьеженные башмаки, а то и кеды на босу ногу. Нестройная очередь на декабрьском морозце жметя, колеблется, увеличивается на глазах. Лица сумрачные, угрюмые, но есть спокойные и даже просветленные. Вон тот, что удалился покурить к кустам, подальше от храма, улыбается, что-то веселое втолковывает своей подружке. Я подошел к нему. Он приехал на заработки из Тары (Омская область), взяли на стройку. Полмесяца работал за кормежку, попросил аванс. Выгнали, не заплатив ни рубля. Не унывает. «Я все лето в лесу жил, в микрорайоне. Жратвы навалом. Откуда? Да в мусорках. Пораньше пойдешь, на целый день отоваришься. Картошка вареная, жаркое, чего только не выбрасывают...» «А зачем же сюда приезжаешь?» «Ну, здесь покультурному, обед, горячего чего, иконы, мужик молитву говорит, проповедует. Интересно послушать...» Но, судя по количеству пришедших, мусорок на всех не хватает.

Примерно за час до кормления выходит из храма Олег Федорович по фамилии Попович и, как опытный разводящий, осаживает напирющую очередь: «Подходить по одному! Пьяные в сторону». То ли цепким взглядом (он в очках), то ли нюхом улавливает таковых и мановением руки отсылает к заборчику. Запускается первая партия. Сначала женщины, дети, инвалиды, пенсионеры. За ними — люди со справками в том, что прошли санобработку не более семи дней тому назад. Но таких — процентов 25. Поэтому рассаживать приходится по группам: отдельно бабушек

и стариков из малообеспеченных (их присылает Совет ветеранов), отдельно бездомных, отдельно со справками, отдельно всех остальных.

— А как быть с пьяными, которые у заборчика? — спрашиваю я Костю Мурашова.

— С одной стороны, — отвечает Костя, — если выпил, нечего тебе здесь делать, это храм. С другой стороны, если он не агрессивен, тихий, можно и покормить. Но поблажек не даем. Слово матом — встань, выходи. Или бутылку принес — выгоняем. Они знают. Без дисциплины нельзя. Гастарбайтеры? Эти живут впроголодь, их обманывают, не платят, жить негде.

— А как к ним очередь относится?

— А у нас порядок с очереди и начинается. В одном храме, где тоже кормят, я видел такую картину: кучка парней. Командуют: «Мы арбатские, мы сегодня запускаем, ты не пойдешь, а эти пойдут два раза». Нет, я решил, у нас такого не будет. У нас очередь интернациональная, ни драк, ни мата. За этим следим.

Первая партия (сегодня 246 человек), плотно усаженная на скамьях, застыла в ожидании. Между столами ходят женщины, прихожанки, бывшие медсестры. У них в руках коробки с лекарствами. «Сестричка, дай от зубной боли». «А от кашля есть?» «Очки бы...» «Нет ли обуви какой, 42 размер, в кедах холодно». Женщина подзывает сестру, ведающую одеждой, и ботинки бедолаге выданы.

Перед едой — молитва, которую слушают стоя (раньше ее произносил Борис Евгеньевич Клепарский, Царство ему Небесное), и — процесс пошел.

После первой трапезы — стерилизация столов, скамей, все работают в одноразовых

полиэтиленовых перчатках. Посуда, разумеется, тоже одноразовая. Воздух чистят рецелькуляторы, приборы кварцевого излучения. Санэпидстанция такой работой удовлетворена.

Запускается вторая партия: 234 человека...

Во главе благотворительной помощи бездомным в нашем храме стоят Константин Мурашов и Татьяна Васильева.

С ними я и беседую. А начну с того, что однажды видел, как в коридорчике, ведущем в туалет, Костя бинтует кому-то обмороженные ноги. На этом месте трудились также Таня Цуканова, Роман Изотов. Сейчас подобные операции проделывают профессиональные медики из служб «Помощь защиты», «Социальный патруль». Кто-то из них приезжает, хотя и не на каждую кормежку. Обработка больных ведется в автобусе.

Идея кормления принадлежит настоятелю о. Александру Борисову. Таня включилась сразу, Костя — с 1997 года. 25 января пришел на братское общение, которое и оказалось изначальной группой этого служения. Сейчас группа значительно разрослась. Помощников хватает, но всякий раз беспокоит: ведь почти все пенсионеры.

Костя:

— Дело держится не только на нашем энтузиазме. Помощь свыше очевидна. Она и подтал-

кивает деловых и сознательных прихожан. У Лени Фураева была фирма по изготовлению всяческих салатов. Он говорит: «Люди голодают, а я выливаю каждый раз 200 литров мясного бульона. Могу его привозить». И привозил, а мы заправляли всем, чем Бог посылал либо бесплатно, либо по дешевой цене.

Ну, вот, например, на прошлой неделе. Нужно готовить

супы, а овощи кончаются. Есть где взять, везти не на чем. Один водитель обещал — сорвалось, другой заболел. Прошла неделя, вторая, я волнуюсь, транспорт — всегда узкое место. В пятницу ушла последняя коробка картошки, дальше все, суп сильно обеднеет. Я иду по улице, звонок: Саша Леонович. Он не звонил мне года два. «Хочу тебе помочь, у меня машина, что-нибудь нужно?» В пятницу подобрали все до крошки, а в среду у меня опять полны короба.

Или еще случай. Кончилась мясная заправка, а белки — важный компонент в пище озябшего голодного человека. Вдруг звонит Карина Айрапетова: «Немецкое посольство готово поделиться супами, подбросить партию. Обещали привезти». Ждем с утра. А они застряли в пробке, причем рядом, на Дмитровке. И поспели лишь ко второй смене. Первая ела пустой суп, вторая мясной.

Целыми днями она бродила по Петербургу, часто бывала в районах, где в маленьких деревянных домишках жили небогатые люди. Поначалу ее странный костюм и поведение всех пугали, и нередко злые люди, а особенно уличные мальчишки глумились над блаженной. Ксения с кротостью и незлобием сносила это. Лишь однажды жители Петербургской стороны видели ее разгневанной: видимо, издевательства мальчишек, швырявших в нее камнями и грязью, превысили человеческое терпение. Местные жители положили конец ее уличному преследованию.

Мало-помалу к странностям блаженной привыкли. Ей предлагали теплую одежду, но Ксения отказывалась. Лишь когда камзол мужа превратился в лохмотья, она приняла юбку и кофту, в которых и проходила до конца дней.

Милостыню она также не принимала, а брала лишь от добрых людей «царя на коне» (копейки с изображением всадника) и тотчас отдавала таким же беднякам, как и она сама. Иногда заходила к своим знакомым, обедала у них, беседовала и непременно говорила нечто такое, что влияло на их жизнь.

Где Ксения ночевала, долгое время оставалось неизвестным. Этим заинтересовались не только жители Петербургской стороны, но и местная полиция. За блаженной учредили слежку. Оказалось, Ксения уходила на ночь в поле, где в любое время года и во всякую погоду простаивала в коленопреклоненной молитве до рассвета.

Однажды рабочие, строившие новую каменную церковь на Смоленском кладбище, стали замечать, что по ночам кто-то натаскивает на леса целые горы кирпича. Они решили разузнать, кто этот даровой неутомимый работник, остались ночью на стройке и увидели, что кирпичи переносит блаженная Ксения.

За великие подвиги и терпение Господь еще при жизни прославил свою избранницу: Ксения сподобилась дара прозрения. Она предрекла кончину императрицы Елизаветы Петровны и малолетнего Иоанна Антоновича.

Купчихе Крапивниной предсказала кончину, говоря: «Зелена крапива, но скоро увянет». Однажды она сказала своей старой знакомой Параскеве Антоновой, той самой, которой подарила дом, чтобы та немедленно шла на Смоленское кладбище: «Вот ты тут сидишь да чулки штопаешь, а не знаешь, что тебе Бог сына послал!» И Антонова усыновила ребенка женщины, погибшей под колесами. Одной бедной девице предсказала замужество, другой помогла избежать брака с беглым каторжником, выдававшим себя за убитого им полковника. Жители Петербурга замечали: если блаженная возьмет на руки больного дитя или благословит его, дитя непременно выздоровеет. Если возьмет какую-нибудь мелочь из лавки купца, торговля будет успешной. Если зайдет к кому в дом, в доме будут царить мир и согласие.

Блаженная Ксения умерла на 71-м году земной жизни, была погребена на Смоленском кладбище. У ее гроба начали совершаться чудеса. После панихиды у ее могилы страждущие получали исцеления, в семьях водворялся нарушенный мир, нуждающиеся получали необходимое.

Над могилой блаженной Ксении была построена часовня, к которой стекались верующие. После революции большевики закрыли часовню, но невозможно было заглушить в народе память о блаженной и веру в ее молитвенное предстательство пред престолом Божиим. Блаженная Ксения Петербургская была причислена к лику святых в 1988 г. на Поместном соборе Русской Православной Церкви.

Тропарь блаженной Ксении
(глас 7)

Нищету Христову

возлюбивши,
бессмертныя трапезы
ныне наслаждаешися,
безумием мнимым безумие
мира обличивши,
смирением крестным силу
Божью восприяла еси,
сего ради дар чудодейственных
помощи стяжавшая,
Ксении блаженная,
моли Христа Бога
избавитися нам от всякаго зла
покаянием.

Далее. Объявились состоятельные прихожане, которые готовы помогать деньгами. Составляем списки продуктов, лекарств, средств гигиены, носки, между прочим, тоже покупаем (дешево: 2 рубля пара. Ноги-то мокрые, в холода многие обмораживаются), отчитываемся до копейки.

Вадим Мартынов взялся сознательных помощников искать на стороне. Обзванивает фирмы. Из пятидесяти откликнулись три, которые жертвуют и свежие продукты, и так называемые неликвиды, — примерно 6% сознательных бизнесменов, готовых помогать неимущим. Для нашей

лених. Которых можно считать сознательными.

С Черкизовским комбинатом сотрудничает Леша Буянов, от туда — говяжьи сосиски. Кексы привозит Вадик Мартынов.

Сын Евгении Семенкиной с другом готовят обеды дома на свои средства, загружают в машину и везут на вокзал. И там кормят. Это их личная инициатива. Кто как не мать — Женя, из нашей группы, вдохновила их своим примером!

Таня:

— Раньше я покупала хлеб в Реутове и привозила на тележке. Но зимой снег, колеса буксуют,

еле, бывало, тащишь. Нет, думаю, так дело не пойдет. И Костя заключил договор с хлебозаводом. Ведь у них всегда есть непроданный хлеб, возвращенный. Его нам и продают по сниженной цене, и привозят.

Прежде мы довольствовались храмовым финансированием. Пять лет назад появились спонсоры. Сейчас наше служение «запитано» из трех источников: храм, благотворительный фонд

«Миссия света» (увы, в следующем году отпадет), бесплатная помощь.

страны характерно. Сравним: из всех людей, называющих себя православными, 2–3% воцерков-

Мы, женщины, готовим, обслуживаем, братья таскают тяжести. Леша Сафонов, Юра Коновалов, Андрюша Воронков, Георгий Колосов. Столы, скамьи расставить, баки тяжеленные, нам неподъем. А бывает, что и некому столы расставить, Костя выуживает из очереди троих трезвых и за семь минут справляется. А сестры за три минуты накрывают, расставляют посуду, молитва, и — обед начался. Здесь мешкать нельзя, просчитано

автоматических производств. Правда, подопечные наши — не очень гибкий материал, скорее хрупкий. Но мы переквалифицировались. Впрочем, Дима еще преподает в школе физику и астрономию. А я заканчиваю медучилище.

Таня:

— Кормление наше иногда имеет счастливое продолжение. На храмовых праздниках я вижу нескольких пожилых людей, которых мы кормим. Что-то, видимо, для себя открыли в нашей столовой. А кто-то стал посещать оздоровительную общину алкоголиков «12 шагов». Они собираются тоже в нашем храме, в светлице. Я смотрю, кормиться ходить перестали, что-то явно наладилось. Таких единицы. Но — мал золотник, да дорог.

Костя:

— Приходят и с благодарностью. Молодая пара из Нижнего, специально зашли, будучи в Москве: «Спасибо, помогли нам выжить. У нас ребеночек родился». А другой приехал на

Пасху из Воронежской области. Стал на ноги, у него свой бизнес. «Я выжил, — говорит, — потому

что вы меня поддержали, когда я вышел из тюрьмы. Давай, я сюда фургон продуктов привезу, пару тонн — картошку, морковь». Я ему: «В Воронежской области полно таких же бедолаг, помогай им».

Последнее время стали навешиваться работники из «Преображения России». Ходят вдоль очереди, рассказывают о себе, о реабилитационных центрах, приглашают пожить. Условия сносные: работа, питание, жилье, восстанавливают паспорта. Но денег не платят. Человек в таком центре может ОСТАНОВИТЬСЯ — перестать пить, колотиться, курить. А если остановится, то и денег наверняка где-нибудь заработает.

Приходят молодые люди из организации «Бездомные дети». Помогают, учатся, главное — чувствуют общую атмосферу, которую не побоюсь назвать праздничной.

Конечно, участь бездомных одним лишь церковным служением не решить. Нужна многосторонняя помощь государства, у которого, как известно, много проблем. В Москве считанное количество храмов, где кормят этих несчастных. Поучительный опыт и для церковных, и для светских организаций. Была бы охота — возможности появятся.

Фото Анатолия Козлова

по минутам. 500 человек накормить, да каких!..

— А самим удастся поесть?

— Удастся, но у них мясной рацион, а мы свое едим. Дни-то постные: среда и пятница. Складываемся, кто что принесет из дома. Помимо общего дела это и общение, которое проходит и за нашими трапезами, после всего, и по субботам, после службы. Костя с братом Димой — классные экскурсоводы по московским храмам, историческим местам. Ездили и подальше: в Переяславль, в Феропонтово, Коломну, Белозерск. Марина Башлыкова, помнится, нам очень помогла. Когда есть работа, должен быть и отдых. Мы ведь работаем до июля. Три месяца перерыв. Обязанности перед семьей: дети, внуки...

— Вы сейчас — повара высшего разряда, а раньше чем занимались?

— Я инженер-технолог, работала в НИИ Туполева.

— Мы с братом тоже инженеры, кончили Станкоинструментальный, конструкторы гибких

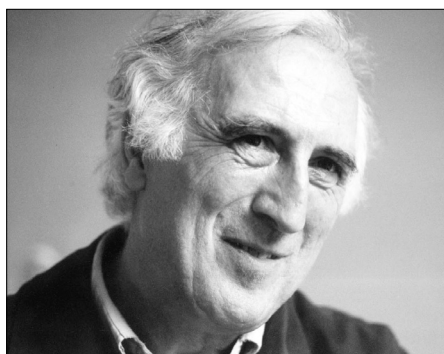

Михаил Завалов

«Вера и Свет»: могущественное убожество

Это началось почти полвека назад, когда канадец Жан Ванье поселился с двумя людьми, взятыми из приюта, во французской деревушке близ Компьеня. Как говорит Жан, «этого хотел Бог». Он и не предполагал тогда, что положил начало движению «Ковчег» — маленьким общинам, в которых живут вместе т.н. нормальные люди с людьми особыми: детьми и взрослыми, лишенными возможности жить у себя дома. Несколько лет спустя Жан породил другое движение — «Вера и Свет». В отличие от «Ковчег» тут люди не живут под одной крышей, но регулярно встречаются. Сейчас такие общины есть на всех континентах: на январь 2010 г. их насчитывалось 1612 в 81 стране мира. В России (Москве, Подмосковье и Петербурге) существует 12 таких общин (см сайт <http://www.vera-i-svet.ru/>).

В прошлом году наша община «Вера и Свет» отметила свое 20-летие

Жан Ванье

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Летом 1989 г., как только появилась возможность пересекать границы, наша семья отправилась в Польшу. Мы пожили какое-то время в тесной варшавской квартире, набитой русскими путешественниками вроде нас, и настал день, когда хозяин посадил нас в крохотную машинку и отвез в лагерь («потому что надо же было вас куда-то деть», позже объяснил он). Случайно это оказался лагерь движения «Вера и Свет» с умственно отсталыми людьми. Ехать туда не слишком хотелось: казалось, из Варшавы, где кипит жизнь, меня отправляют в ссылку в неведомую глухомань.

Дождливый, серый и неуютный день. Нас привозят на какой-то обшарпанный и заброшенный

хутор и вводят в дом, где в тот момент идет месса. Я вижу странные искаженные лица и слышу страшноватое мычание и стоны (потом я понял, что так кто-то подпевал), съезживаюсь и готовлюсь терпеть дальше: деваться все равно некуда. Не могу сказать, что я боялся особых людей, просто немножко волновался за то, какое впечатление это произведет на мою семилетнюю дочь (а она только спросила: «Почему они такие?»). Когда родители не боятся, дети тоже спокойно принимают многие вещи).

Община с бедными реально открывает нам замысел Бога о нашем мире и Церкви — какими они должны быть.

Моя съезженность длится минут пятнадцать. А одновременно почему-то все это сильно «пахнет» Рождеством (да и действие происходит почти в хлеву). И вот месса кончается, все садятся обедать — столom служит невероятно длинная телега. Тут происходит нечто такое — почти ничего, — что становится для меня переломным моментом.

Один веселый, белобрысый и губошлепый человек, Мартин, много шумит и болтает. Он встречается в чужие разговоры, комментирует все происходящее, в том числе нас, резко машет руками — и случайно задевает чашку. Та падает и разбивается. Мартин в одну секунду превращается в виноватого человека. Он опускает голову на грудь — не в переносном смысле, а в самом буквальном, затем встает из-за стола, подходит к сидящему там священнику, обнимает его и целует в нос. А потом сразу веселеет, садится и продолжает балагурить как ни в чем не бывало.

После этого инцидента мое напряжение и чувство неуютно каким-то образом моментально испаряются. Мне просто можно быть собой. Такие люди быстро тебя приглашают стать собой: ничего не надо строить, не надо казаться, не надо быть умным, не надо быть «хорошим» или «добрым». Просто — быть.

И еще одно важное впечатление: молодые т.н. «нормальные» люди (их в «Вере и Свете» называют «друзьями»), которые жили в лагере с людьми особыми. Они не походили на благочестивых верующих или на героев милосердия, они просто веселились и наслаждались жизнью, летом, дружбой и кофе (наверное, не всегда, но так мне показалось с первого взгляда). Это было чем-то незнакомым.

Тот лагерь я запомню на всю жизнь, но никакого чувства призыва к этому у меня не было. Когда потом кто-то из польских друзей говорил: «Вы можете создать такие же общины в Москве», — я отвечал что-то невнятное, думая про себя: «Конечно, мы этого не можем».

А параллельно происходила еще одна вещь: в Москву регулярно приезжал Жан Ванье и выступал в разных аудиториях — иногда всего лишь перед дюжиной слушателей. Мне нравилось его печальное и прекрасное лицо, но тогда казалось, что он говорит о богословии и философии, а совсем не о нашей жизни.

ПРЕДЫСТОРИЯ: ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ

Мне трудно себе представить нашу «Веру и Свет» без о. Александра Менья. Он ушел в тот са-

мый момент, когда у нас началась версветская жизнь.

Я помню Зинулю — умственно отсталую сельскую женщину, низенькую, похожую на толстую девочку. Она ходила в новодеревенский храм и, издали увидав о. Александра, восклицала: «Батюшка мой!», бросалась к нему, и он обнимал ее, прижимая к теплому животу. Этот жест — сейчас в нем столько знакомого по нашим общинам! (Говорят, потом Зинулю сбила машина на шоссе.)

А еще была Олечка — внучатая племянница Веры Корнеевой, знавшей о. Александра ребенком, — девочка с огромной головой (гидроцефалия), которая всегда лежала на спине и ясными глазами смотрела в пространство. Поскольку Олечка жила неподалеку от нашего дома, о. Александр часто от нас ехал ее причащать или после нее заходил к нам. (Марианна, мама Олечки, говорит, что он пел ей что-то страшным голосом, и девочка смеялась.)

И вот как-то мимоходом он сказал нам с Олей, моей женой, когда мы на кухне жаловались ему на наши великие проблемы жизни вместе: «Разве это проблемы? А вот где я был, там — да, проблемы». И немножко рассказал об Олечке и ее семье. Оля спросила, нельзя ли им помочь: она могла бы их пососедски навещать с дочкой. О. Александр ее долго отговаривал и предостерегал, что это может напугать, особенно нашу дочь. А потом как-то достал денег из кармана и сказал: «Передай Марианне — от меня она не возьмет, а ты будешь представителем приходской группы милосердия. Не знаю только, как тебя примут — это очень закрытый дом». Он даже велел Оле напечатать на машинке бланк (фиктивной?) группы милосердия. В «закрытом доме» ее приняли, и так через о. Александра наша семья познакомилась с Олечкой.

А еще в новодеревенском приходе были общинки — группы, которые собирались для молитвы, чтения Писания и какой-то совместной жизни. Трое людей: я, моя жена Оля и Наташа М. — из такой группы планировали начать нашу общину «Веры и Света». И я назначил знакомство с нашей первой семьей

на воскресенье 9 сентября 1990 г. Я приехал на службу в Новую Деревню, где почему-то о. Александра не оказалось. Без особых дурных предчувствий я поехал и познакомился с Гришей и его семьей. Когда я вернулся домой, мне позвонила плачущая Наташа: «Отца Александра убили! Топором...»

Через несколько лет я случайно узнал, что одного из особых людей нашей общины, Александра Р., крестил о. Александр. Он рассказывал, что жаловался о. Александру на одиночество, а тот ему сказал: «У тебя будет много друзей». Не знаю, что он имел в виду, но звучит это как пророчество.

ОБЩИНА С БЕДНЫМИ

И вот прошло двадцать лет нашей жизни с «Верой и Светом».

Прежде всего, это жизнь общины — довольно малой группы (человек в тридцать), где все хорошо знают друг друга. Кроме того, это община с очень разными по возрасту, образованию, доходам и т.д. людьми. В юности я ходил в группы, где были похожие молодые люди, в основном студенты, и могу сравнивать то и это. Жизнь в раз-

нородной общине труднее (у нас совершенно разные интересы!), но в конечном итоге — богаче. Это больше похоже на Церковь, какой ее задумал Бог: жизнь с людьми, которых ты не выбираешь (и, быть может, никогда бы не выбрал добровольно), — как в семье. И тут есть широкий диапазон всего: от молитвы и Евангелия до еды, игр и смеха, — тут есть вся жизнь.

И, наконец, что важнее всего: в центре общины «Веры и Света» стоит «бедный» человек. Это часто и материальная бедность: наша типичная семья — одинокая мама с особым ребенком, покинутые отцом. Такому ребенку

нужно больше денег, чем обычно, а мама нередко привязана к нему на двадцать четыре часа в сутки и не может работать. Это и «бедность» отверженности. Такой семье некуда пойти: особые люди сидят в заточении в квартирах, где они смотрят телевизор и не знают, чем заняться. Им не рады на дет-

ской площадке, в театре, в кафе, в доме отдыха — и порой даже в церкви. Такой человек, даже если он не может выразить этого словами, чувствует, что он бремя, помеха, источник горя, проклятие для своей семьи. И тут нужен друг из внешнего мира: тогда у семьи появляется, куда, с кем и зачем пойти. Это не решает многих тяжелых проблем, но все меняет.

Что еще интереснее, община меняет и т.н. «нормальных» людей. Часто друзья приходят к нам с благородным желанием помочь, что-то делать для бедных. Они остаются надолго лишь в том случае, когда понимают, что сами тут многое получают.

МЕСТО ДЛЯ РОСТА

За годы жизни в «Вере и Свете» я мог видеть, как ее участники — особенно те, что берут на себя ответственность, — меняются в наших общинах. Сюда приходят самые обычные люди, молодые и не очень, и постепенно ты видишь, как в них появляется открытость, способность сочувствовать, хорошая простота и мудрость. Это чудо связано со слабым человеком: он с первой встречи призывает тебя жить на уровне сердца, потому что ему нужны только отношения. Это быстро освобождает от лишней шелухи, расставляет ценности по своим местам и строит особые взаимоотношения во всей общине.

Среди прочего такой человек учит нас не защищаться — не пря-

тать свою неприглядность за фасадами достижений, обаяния или ума. А это очень помогает принимать и других людей. Так, я всю жизнь был склонен с легкостью отвергать тех, кто мне неинтересен: мысленно их браковать, чтобы потом общаться с ними как можно меньше. (Помню, как я удивлялся, глядя на о. Александра: «Ну зачем он общается с такими людьми?») В общине убежать от неприятных или неинтересных людей не удается, это тесные отношения (особенно тесные — иногда почти в физическом смысле — во время летних лагерей). И тут со мной (и не только со мной) регулярно происходит одно и то же чудо: человек, которого мне не хотелось видеть, через год или три становится своим, нужным и незаменимым. Я к этому чуду уже привык, и оно переносится и в жизнь за пределами общины. Оказывается, принимать и даже (если не бояться этого слова) любить не-

приятных тебе людей можно — это не совсем утопия. Чтобы сделать такое открытие, нужна община.

И, конечно, община учит принимать самого себя. Убогие люди помогают мне принять свое убожество. Я тоже по-своему страдаю от ограниченных возможностей и по-

лон мрака — и с этим можно жить. И тут же параллельно можно открыть свои дары. Это не обязательно «выдающиеся способности», которые меня выделяют среди прочих смертных, но то, что вносит вклад в общую жизнь. Порой это такие качества, которые раньше казались не дарами, а недостатками.

Так «Вера и Свет» делает участников более человечными, а одновременно делает для них Евангелие более конкретной и воплощенной реальностью.

БЛАЖЕНСТВО НИЩИХ

В «Веру и Свет» принимают всех людей, но там всегда много христиан. И последним эти общины раскрывают смысл Евангелия, в частности, делают более понятными слова о «блаженстве нищих». Тут это блаженство уже сбывается: малые, отверженные, последние и «задвинутые» люди, не имеющие «ни вида, ни величия» (см. Ис 53), становятся источником подлинной человеческой жизни и радости для всех. Оказывается, настоящая радость может существовать рядом с трагедией, более того: открытость к чужой боли открывает тебя и для подлинной радости, которая превосходит плоское «счастье». И ты понимаешь: именно такую полноту жизни уже здесь и теперь предлагает Евангелие — больше трагизма и больше радости одновременно. И тут мы оказываемся недалеко от невместимого парадокса Креста, к которому нас подводят особые люди.

«Бедные — всегда пророки. Как это всегда делали настоя-

щие пророки, они открывают замысел Божий о мире. Вот почему нам надо не жалеть времени на то, чтобы их слушать. А это значит — быть рядом с ними, потому что они говорят тихо и часто молчат, они боятся говорить вслух, им не хватает веры в себя, потому что они сломлены и несут на себе гнет мира. Но если мы слушаем их, они возвращают нас к самым существенным вещам». Когда Жан Ванье называет бедных пророками, это для него не просто поэтический образ. Особые люди действительно зовут нас двигаться туда же, куда зовет учеников Иисус. Это всегда движение против течения культуры — культуры успеха, дости-

жений, силы и великих вещей. Они учат быть ранимыми и двигаться вниз — это неприятный путь, но это путь Бога. И община с бедными реально открывает нам замысел Бога о нашем мире и Церкви — какими они должны быть. Так эти маленькие и скромные общинки становятся великим знаменем той силы в слабости, о которой говорит апостол Павел.

Информация о работе храма

Божественная Литургия совершается в воскресенье и праздничные дни в 7-00 и 10-00, в среду, пятницу и субботу — в 9-00. Накануне — всенощная в 18-00.

Таинство крещения совершается по субботам в 13.30. Договориться о крещении можно накануне, вечером в пятницу, во время исповеди.

Таинство покаяния (исповеди) совершается в пятницу после 18.00 в северном приделе храма (прот. Александр Борисов).

Катехизация (подготовка к крещению и воцерковлению) проходит еженедельно по четвергам в 18.30 и предполагает как лекционные встречи, так и семинарские занятия в группах, где в активном диалоге можно проработать предложенные вопросы, а также задать свои. Занятия продлятся до начала лета. Мы ждем всех: как готовящихся к крещению, так и тех, кто хотел бы углубить свои знания о вере. Очередной лекционный цикл начался в сентябре 2010 г.

Воскресная школа При храме действуют классы воскресной школы для детей разного возраста. Занятия проходят в светлице храма после воскресной Литургии.

Подростковый клуб

Два раза в месяц по пятницам в светлице проходят встречи приходского подросткового клуба для ребят от 11 до 14 лет. Для старших ребят (от 14 до 17 лет) организуются различные поездки и паломничества, а в 4-ю пятницу месяца — обсуждения интересных тем или фильмов в светлице. Подробнее о клубе см. <http://club.damian.ru>

Библиотека храма

работает по субботам с 12.00 до 15.00 (комната на втором этаже между светлицей и настоятельской).

Служение милосердия

Кормление бездомных — по средам и пятницам в помещении храма. Женщины, дети, старики, инвалиды — в 14.00. Все остальные — в 15.00. Группа осуществляет также помощь бедным и нуждающимся. Вы можете отдать в храм подержанную одежду и обувь в среду и пятницу с 9.00 до 13.00 и с 16.00 до 18.30. К сожалению, продолжающийся ремонт не позволяет нам организовать сбор и хранение вещей при храме. Поэтому мы убедительно просим приносить только сезонную одежду и обувь для взрослых и делать это строго в часы работы группы кормления, которая тут же сможет эту одежду раздать.

Помощь беженцам. Можно передать одежду для беженцев в четверг с 10.00 до 15.00. Будьте внимательны: группа принимает вещи не каждый четверг. Объявление о приеме вещей можно найти на стенде слева от входа в книжный киоск.

Помощь заключенным. В нашем храме важное место занимает опека заключенных. Такое послушание имеет священник нашего храма о. Иоанн Власов. Кроме того, на протяжении многих лет инициативные группы прихожан организуют помощь людям, лишенным свободы, ведут переписку с осужденными.

В храме работают также:

Группы самопомощи и консультирование. Христианское душепопечительство.

Консультация детского невролога. Помощь недоношенным детям, детям грудного и раннего возраста. Развивающие занятия, массаж, ЛФК, плавание.

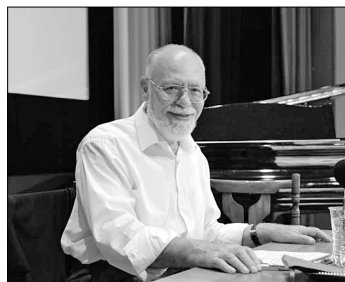
Группа Анонимных алкоголиков.

Фонд прот. Александра Меня: <http://alexandrmnen.ru>

Подробную информацию о работе храма вы найдете на сайте:
<http://damian.ru>

Евгений Рашковский

Праздник мысли и веры

Это было в понедельник, 15 ноября 2010 г. На моей памяти — десятки, если не сотни кандидатских и докторских защит, но такого я не видал ни разу. Большой зал Ученых советов Российского государственного гуманитарного университета был переполнен: профессура, священнослужители, представители московской интеллигенции, аспиранты. Но больше всего — студентов. Такого множества юных лиц я не видал ни на одной из защит. А защищалась как соискатель ученой степени кандидата культурологии Анна Ильинична Шмаина-Великанова, известный библеист, историк культуры и теолог. Да к тому же — и прихожанка нашего храма. Да к тому же еще — и дочь известного московского протоиерея — о. Илии Шмаина, служившего в храме Первоверховных апостолов Петра и Павла, что близ Устьинского моста...

Конституция Российской Федерации предусматривает светский характер нашего государства. Стало быть, и РГГУ — именно как государственное учреждение — есть учреждение светское. Стало быть, и диссертант, и оппоненты, и участники дискуссии должны были при обсуждении библеистических проблем выдерживать строгий академический и светский стандарт. Что и было соблюдено в ходе защиты.

Тема диссертации Анны Ильиничны — «Книга Руфи как символическая повесть». А уж к моменту защиты подоспело изящное издание одноименной монографии Анны Ильиничны, выпущенное в свет Институтом философии, теологии и истории св. Фомы.

Долгие годы я ждал появления в России научно-исследования такого рода — исследования, когда ученый подходит к библейскому материалу не только через глубокий опыт своей веры, но и во всеоружии культурно-исторического, экзегетического и филологического анализа, когда сюжеты архаические и древние органически сопрягаются с проблемами остро современными и актуальными.

Библия, во всем многообразии ее повествований, есть *основная кодовая книга европейской, а с нею и российской культуры*. И притом это книга не столько кодов-назиданий, кодов-повелений, кодов-отгадок, сколько *кодов-собеседований*. Собеседований с каждым из нас. Собеседований всеохватных, но в то же время — всегда недосказанных, внутренне открытых. Собеседований, от самого тебя требующих твоего собственного — искреннего и внутренне выстраданного — отклика. Может быть, в таком характере проникновенных и открытых собеседований и кроется одна из разгадок смысловых и художественных «чудес» европейской и отечественной культуры.

Позавчера библейские исследования были монополией лишь цеховых богословов, вчера — историков и социальных критиков всех возможных и невозмож-

ных направлений, сегодня — филологов. Но вот исследование Анны Ильиничны, показывая огромную научную эрудицию автора, все же выводит библейские исследования и — шире — самый библейский мир из дисциплинарного плена, из монополии спорящих между собою спецов. Речь идет о некотором новом типе интегрального (не «монолитного»¹, но именно широкого, свободного и внутренне слаженного) знания о человеке, знания его истории и культуры — такого знания, которое освещается (и освящается!) изнутри пониманием живого *многоединства человеческой жизни*².

Анализируя культурно-исторические предпосылки (вплоть до данных археологии), композицию и динамику внутренних смыслов библейской Книги Руфи, Анна Ильинична приходит к выводу, что мифологическое (легендарное повествование о предыстории Дома Давидова, о предыстории земной генеалогии Господа Иисуса Христа) и вместе с тем лирическое повествование о верной и кроткой моавитянке Руфи обнаруживает важнейший принцип внутреннего духовного строя человека, его истории и культуры.

Что же это за принцип? Это принцип верной и милующей любви, по словам Анны Ильиничны — «парадоксальной любви», той самой, которая обозначается на страницах Библии словом *хэсед*. И не только понимания, но и — если говорить в категориях великого нашего христианского философа Вл. Соловьева — некоего космоисторического *оправдания* человека и его культуры³.

С точки зрения Анны Ильиничны, в плане историческом краткая Книга Руфи оказалась одним из определяющих текстов и определяющих сюжетов всей последующей мировой мысли и словесности. Ибо именно в этом кратком тексте осознанно прорабатывается идея неразрывной связи милующей, сострадающей любви и познания; не случайно же категории милующей любви и истины — *хэсед* и *эмет* — оказываются

¹ Слово «монолитный» любили употреблять в советскую эпоху, забывая при этом (или просто ни о чем не думая), что монолит — это нечто неживое, не способное к динамике и развитию. Способное разве только к эрозии и к самораспаду. А уж как платила страна за «монолитное» мышление и за «монолитные» притязания — особый разговор.

² Понятие многоединства человеческой жизни и культуры было введено у нас Львом Платоновичем Карсавиным в начале 20-х гг. прошлого века, в канун его высылки из Советской России; в польской же философской литературе позапрошлого века (напр., в трудах графа Августа Цешковского) было введено и обосновано понятие «разноединства».

³ Под «оправданием» Соловьев разумел не результат какой-либо судопроизводственной процедуры, но умение усмотреть и понять в человеке, его культуре, истории и творчестве моменты высшей, Господней *правды*.

в библейских текстах по существу неразрывными. А сложная связь библейских представлений о любви и истине утверждается благодаря идее всеприсутствующей, но не насилующей человеческую душу божественной Премудрости, Софии (*Хохма*). Но что интересно: на страницах Книги Руфи, вопреки всем вековым литературным традициям, одновременно выступают не одна, но две несхожие героини повествования, две несхожие носительницы Премудрости — моавитянка Руфь и ее свекровь израильтянка Наоми. Наоми — как бы олицетворение преемственности, а Руфь — вечного самообновления человеческой жизни в Боге. И это художественное и философское новаторство, казалось бы, «бесхитростной и прозрачной» Книги Руфи обуславливает ее неисчерпаемое веками духовное и интеллектуальное богатство.

Исследование Анны Ильиничны показывает, что, по убеждению создателей Книги Руфи, действующий в человеке и через человека божественный *хэсед* — благодатная, милующая и перекрывающая наши недостатки и ошибки любовь — так или иначе распространяется и на тех, кто ушел из жизни, и на тех, кто живет, и на тех, кому еще предстоит войти в жизнь. И это то,

что, по словам Анны Ильиничны, может произойти и, по существу, происходит «каждый день». Ибо в любой из моментов нашей жизни восстанавливается честь и преемственность ушедших родов, решаются, казалось бы, безвыходные проблемы современников, определяются пути будущих поколений...

Так, по убеждению нашего диссертанта, совершается переход легендарной «мифо-логики» в «логику мистическую», т.е. в символическую и культуротворческую логику не только и даже не столько древнего повествования, сколько в «логику» вечного взаимодействия человеческой души, времени, Вселенной и Божества⁴.

Таким образом, как показывает Анна Ильинична, восходящая к иноплеменнице Руфи мессианская историческая драма Дома Давидова, драма земной генеалогии нашего Господа Иисуса Христа, началу которой и посвящено тонкое лирическое повествование Книги Руфи, — эта драма так или иначе связана с раздвижением и человеческой переоценкой жестких и архаичных традиций племенного строя и ранних государств. Речь в данном случае — о вековой взаимной ненависти двух близкородственных народов — Израиля и Моава. И в этих раздвижениях и подспудных переоценках земных пристрастий и предрассудков и выявляется *хэсед* как подлинное удостоверение человеческого в человеке. Как подлинное предзнаменование Христова Царства.

Анна Ильинична вовлекла в круг источников своей диссертации собственно библейские тексты, па-

мятники талмудической словесности, христианскую патристику, памятники философской мысли, литургическую поэзию, фольклорные памятники разных народов. И что интересно: источники эти черпаются в обеих параллельных, но — как бы по Лобачевскому! — тысячекратно пересекающихся в истории библейских традициях: иудейской и христианской. Так что, по мысли Анны Ильиничны, Книга Руфи — один из дальних текстовых прообразов становления универсально-женственного образа Церкви — возлюбленной Самого Господа. Более того, в стихе 2:14 Книги Руфи Анна Ильинична обнаруживает прообразование темы Мирной Евхаристической Трапезы: Вооз, родовой предстоятель (буквально — «искупитель», *гоэль* — 3:9, 12), приглашает юную бездомную иноплеменницу к трапезе со своими жнецами и сам протягивает ей хлеб, омоченный в винном уксусе...

* * *

Итак, нам был представлен заслуживающий глубочайшего уважения научно-исследовательский труд. Труд на уровне современных требований гуманитарного знания; труд, перерастающий квалификационные рамки кандидатской диссертации и насущно необходимый для раздвижения нынешних рамок гуманитарного знания, которое все еще остается не вполне одухотворенным, полумеханистическим. Что отвечает наболевшим потребностям и науки, и мысли, и веры.

И не удивительно, что Диссертационный совет по культурологии, оценив высочайшее качество диссертации Анны Ильиничны, единогласно присудил ей кандидатскую ученую степень.

Более того, совет восемнадцатью голосами из двадцати ходатайствовал перед Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ о возможности перезащиты кандидатской диссертации Анны Ильиничны в качестве диссертации докторской.

Тонкий библеист, филолог и богослов, Анна Ильинична подарила мне — не только как члену Диссертационного совета и официальному оппоненту, но и как человеку, для которого так внутренне важны и само Священное Писание, и библейская преемственность исторических судеб Церкви, и исполненная библейской памяти и библейских смыслов красота православной Литургии, — подарила мне некий праздник мысли и веры. Да только ли мне одному?

Этот праздник, я уверен, запомнится многим навсегда.

⁴ Специально обращаю внимание любезного моего читателя: эта сторона Книги Руфи с особой художественной силой запечатлена в ксилографических иллюстрациях Владимира Андреевича Фаворского (1886—1964), выполненных еще в 20-е гг. прошлого века, но не утративших современной экспрессивности своего художественного языка.

Марина Сечина

«Дорога вместе». Журнал для молодых и не только

В нашем храме есть книжный киоск, и в нем чего только не увидишь: книги, журналы, календари, диски, иконы. Киоск славится, сюда приезжают за книгами из других храмов и даже из других городов. Но порой в нем не так легко что-то найти, если точно не знаешь, что ищешь. А чтобы знать, надо, чтоб кто-то подсказал. В нашей газете мы нередко пишем о новых книгах или дисках и редко — о периодике. Сегодня мы хотим познакомить наших читателей с журналом «Дорога вместе». Тем более что его издают наши прихожане. О жизни прихода в этом журнале тоже пишут. Но расходится журнал значительно шире, далеко за пределами прихода. Мы задали несколько вопросов Карине Черняк, главному редактору журнала «Дорога вместе»

Карина Черняк

— Карина, как давно существует журнал? Кому и как пришла идея его издавать? Собственно, с чего все началось?

— Первый номер журнала вышел в конце 2000 года. Но об издании журнала мы думали и мечтали еще в 80-е вместе с о. Александром Менем. Не раз говорили о том, каким мог бы быть журнал, если бы его можно было издавать. Однажды в конце 80-х к нему пришли еще двое молодых людей с такой же идеей, он нас познакомил. Одной из них была Танечка Патеюк (теперь Старокадомская), а вторым — молодой человек, который стал впоследствии священником, о. Всеволод Чаплин. Таня позднее издала свой альманах «Свеча», молодой человек нашел себя в служении Церкви, а я и мои друзья из нашей общины «Осанна» (прежде всего Света Журавлева) подошли к изданию журнала.

— Слова «дорога» и «вместе» — в них уже видна программа журнала. Первое слово понятно: для христиан «путь», «дорога», «движение

вперед» — это форма жизни. Цель тоже понятна — ко Христу. И со Христом, потому что Сам Он сказал «Я есть Путь...» А вот «вместе» — тут могут быть варианты. С кем вместе вы идете или с кем готовы идти?

— Да — со Христом, да — с о. Александром, да — с нашими братьями и сестрами из общины «Осанна» и из прихода храма Космы и Дамиана, членами которого является большинство из нас. Также вместе с другими христианами — как православными, так и из других конфессий, с которыми мы одинаково понимаем, что значит быть христианином и идти за Христом в Царство Божие. Мы приглашаем присоединиться к этому пути и тех, кто ищет Бога.

— Издание имеет подзаголовок «Христианский журнал для молодых и не только». Какова его читательская аудитория? На кого вы рассчитываете? Как широко расходуется журнал?

— Вы уже поняли, что мы задумали журнал 20–25 лет назад, а начали издавать 10 лет назад. Мы тогда сами были намного моложе, вокруг нас всегда было много молодежи. Поэтому журнал начинался как молодежный. Мы становились старше, круг наших друзей-читателей тоже вырос. К тому же мы смогли убедиться, что нас читают далеко не только молодые люди. Тогда и появился такой подзаголовок. Наш журнал читают братья и сестры из нашего и других приходов, у нас есть читатели в других городах России, а также в ближнем и дальнем зарубежье. Иногда мы получаем от них письма или материалы. Мы сами посылаем наши журналы заключенным в колонии, в которых мы бываем, а также в неко-

торые приходы в порядке «братской помощи».

— У вас уже есть свой круг авторов. Большинство из них — наши прихожане: о. Александр Борисов, был и остается о. Георгий Чистяков, Андрей Черняк, Лилия Ратнер, Ирина Языкова, Светлана Журавлева, Сергей Пестов, Александр Кремлев и др. Много молодых авторов. А где вы находите новых?

— Кто-то из наших читателей становится нашим автором. С кем-то знакомимся в поездках, на конференциях. Чьи-то материалы попадают нам в Интернете, а к кому-то мы обращаемся с особой просьбой написать что-то конкретное для нас.

— Как собирается материал? У каждого номера есть своя тема, и вы подбираете авторов и статьи целенаправленно под нее, или как-то все само собой формируется?

— И так, и так. Как правило, всегда есть что-то отложенное в редакционном портфеле. Бывает в связи с разными событиями (например, календарными), что мы ищем или заказываем подходящие материалы. Но самое замечательное, когда в ходе работы над номером приходят «как раз те самые» материалы, и все становится на места. Мы чувствуем в этом Божью руку. Мы постоянно молимся в ходе работы над выпуском.

— Журнал — это только часть работы или, лучше сказать, жизни общины «Осанна». Есть еще и христианский клуб «Встреча». Расскажи, что происходит в нем.

— С начала существования нашей общины (конец 80-х — начало 90-х) наши встречи, служения и т.д. происходили в разных помещениях, которые мы, как правило, снимали. С какого-то момента мы стали ду-

мать о постоянном и лучше бы собственном помещении, и с Божьей помощью однажды это получилось. Это помещение, которому мы дали название «Христианский культурный центр “Встреча”», не столько служит нам, сколько дает нам возможность служить другим. Здесь происходит много разного: лекции и беседы о вере, встречи киноклуба, работающая литературная и киностудия, регулярно происходят евангельские встречи, праздничные вечера и многое-многое другое. У нас есть очень хорошая христианская библиотека, в которую мы приглашаем всех желающих.

— У вас много лет уже существует Миссионерская школа. Вот только что прошел очередной миссионерский съезд РПЦ, и там много говорили, что миссией должны заниматься миряне, а не только священники, семинаристы и монахи. И что в миссии нуждается не только Чукотка или Полинезия, но и Москва, и вся Россия. Что делаете вы для подготовки миссионеров? И как вы понимаете задачи современной миссии?

— Миссионерская школа во имя Благовещения Пресвятой Богородицы изначально была задумана как молодежная школа. Однажды, примерно 14 лет назад, возникла ситуация в нашем молодежном лагере, когда верующие ребята пытались говорить о Христе со своими ровесниками, находившимися на опасном пути (в плену наркотиков). Этот разговор, к сожалению, особого успеха не имел, потому что молодым христианам тогда не хватило глубоких знаний о своей вере. Создание школы стало ответом на запрос этих и других верующих ребят, потому что стало понятно, что, во-первых, им самим необходимо углубление в веру, серьезное изучение церковной традиции, создание для себя целостной картины мира, а во-вторых — молодежь скорее откликнется на свидетельство своих ровесников, чем людей старшего возраста. Миссионерская школа существует и сегодня (теперь

она называется «Школа служения и миссии»).

Для нас миссия — это не столько передача знаний о Христе, сколько передача опыта жизни во Христе. Важно помогать людям преодолевать их подспудные страхи и предрассудки, мешающие им приходить ко Христу, и показывать, что жизнь со Христом — это жизнь с избытком, что именно Он наполняет нашу жизнь смыслом.

— Я знаю, что вы тесно сотрудничаете с Молодежным центром при Даниловском монастыре. Сейчас Патриарх Кирилл много говорит о подготовке молодежных лидеров для приходов, и вы тоже включены в эту работу. Какие тут перспективы?

— Да, действительно, между нами и Патриаршим центром духовного развития молодежи постепенно на протяжении последних лет сложились хорошие, дружеские взаимоотношения. Второй год уже существует общий семинар «Человек перед Богом», на котором их и наша молодежь знакомится с опытом милосердного и других служений в Церкви как в наши дни, так и в XIX–XX веках в России и других странах; также не раз проводились обсуждения разных актуальных тем

(например, той же миссии сегодня) в формате «круглых столов». В этом учебном году мы совместили занятия библейского цикла их Школы молодежного служения и нашей Школы служения и миссии. Так, обе группы вместе слушают лекции по Ветхому Завету, которые читает Андрей Сергеевич Десницкий, и лекции по Новому Завету Андрея Иосифовича Черныка.

А недавно, с благословения священноначалия нашей Церкви, мы вместе совершили паломничество в Рим. 30 человек — «даниловцы» и наши, «космовско-осанновские», вместе знакомились с христианскими святынями Ранней Церкви, а также с опытом служения бедным Общины св. Эгидия, которая пригласила нас в Рим. Надеюсь, что этот опыт окажется полезным всем нашим паломникам. Теперь мы думаем над продолжением нашего сотрудничества, нам есть чем делиться друг с другом.

— И вновь возвращаюсь к журналу. Сегодня время Интернета, электронных СМИ, и многие говорят, что печатная продукция: книги, журналы — умирает, уходит в прошлое. Как вам видится будущее вашего журнала?

— У нас существует сайт журнала (www.doroga-vmeste.ru), но в целом мы бы не хотели отказываться от бумажной версии издания — иначе та часть аудитории, которая не имеет регулярного доступа к Интернету, потеряет возможность читать наш журнал. С 2009 г. на сайт стали помещаться все материалы каждого номера (до этого материалы размещались выборочно), также мы планируем приблизить дизайн сайта к дизайну журнала — чтобы было больше узнаваемых элементов.

Но в целом издание, напечатанное на бумаге, и интернет-издание — это два разных способа общения с читателем; у каждого из них есть свои преимущества и свои недостатки, и мы бы хотели уделять достаточно внимания развитию каждого из них.

Главный редактор: протоиерей Александр Борисов

Редакционная коллегия: Ирина Языкова (заместитель главного редактора), Александр Зорин, Александр Кремлев, Марина Насонова, Ольга Папцова, Константин Семенов, Алла Смирнова

Редактор выпуска: Алла Калмыкова

Компьютерная верстка: Александр и Любовь Пановы

Адрес редакции: Столешников пер., д. 2, комн. 12

Телефон (495) 629 10 11

e-mail: irinayazykova@yandex.ru, acalm@list.ru с указанием темы письма: «Для Приходской газеты»